

DOI: 10.15372/HSS20170216
УДК 94(47)"1932/33"

В.А. ИЛЬИНЫХ

АГРОТЕХНИКА СИБИРСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ДИСКУРСЕ 1932–1933 гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье предпринята реконструкция дискурса 1932–1933 гг. по вопросам выбора оптимальной агротехники земледелия в Западно-Сибирском крае. Забвение агротехнологических основ земледелия в период форсированной коллективизации привело к падению плодородия почв. В связи с этим руководство страны в сентябре 1932 г. указало на необходимость внедрения оптимальных приемов агротехники. Научно-исследовательские учреждения региона разработали комплекс агротехнических мероприятий, которые должны были способствовать повышению урожайности. В начале 1933 г. ряд их установок признали «вредительскими», а хозяйственно-политическая кампания по внедрению в колхозах и совхозах агротехники трансформировалась в политико-идеологическую кампанию по борьбе с «вредительством» на аграрном фронте.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, земледелие, агрономия, агротехника, борьба с «вредительством», Сибирь.

V.A. ILYINYKH

AGRICULTURAL TECHNOLOGY OF SIBERIAN FARMING IN THE DISCOURSE OF 1932–1933

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The paper reconstructs the content and specifics of the discourse of 1932–1933 on the problem of choosing the preferable farming techniques in the West-Siberian Region. Analysis is carried out against the background of agricultural policy of the Soviet state, situation in the agriculture of the region as well as ideological and theoretical disputes in agronomic science.

It is established that soil fertility decline occurred due to the neglect of basic farming techniques during the period of forced collectivization. In this regard the Soviet leadership in September, 1932 emphasized the importance of introducing the preferable farming techniques. The science and technology institutions of the region developed a range of agrotechnical measures that were supposed to lead to higher yields. In early 1933 some of these recommended techniques were considered as “harmdoing”. This was followed by the political and ideological campaign in the course of which the requirements of shallow ploughing, medium length planting season for grain crops, substitution of complete fallows for the seeded ones, refusal of the fall plowing etc. were exposed and identified as “harmdoing”. Agrarian workers were also supposed to obey policies in choosing crop rotation systems. “Harmdoing” was exposed not only in farming techniques, but also in zootechnics and animal husbandry systems. The rejected farming techniques were replaced with agrotechnical “innovations” that had not been previously tested in practice in the region. They either proved to be ineffective under Siberian conditions or had been of anti-scientific character from the outset (ultra-early planting, vernalization).

The campaign undertaken in 1932–1933 to find the preferable farming techniques and fight against the “harmdoing policies” failed to bring qualitative changes in farming. The agricultural technology in the region and in the country remained at the unsatisfactory level.

Key words: agricultural policy, farming, agriculture, agronomy, agricultural technology, fight against «harm-doers», Siberia,

Следствием форсированной коллективизации стало падение производительных сил сельского хозяйства, особенно глубокое – в животноводстве. поголовье лошадей в СССР в 1932 г. уменьшилось по сравнению

с 1929 г. в 1,8 раза, крупного рогатого скота – в 1,7, овец и коз – в 2,8, свиней – в 1,8 раза. Снижение зернового производства было не столь катастрофическим, тем не менее ощутимым. В СССР в 1932 г. зерновых

Владимир Андреевич Ильиных – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iva@mail.ru
Vladimir A. Ilyinykh – Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS

посеяли лишь на 3,8 % больше, чем в 1929 г.¹ Однако в связи с существенным снижением урожайности валовые сборы хлебов в начале 1930-х гг. сократились. И в 1931 г., и в 1932 г. хлеба в стране собрали меньше, чем во все предыдущие годы, начиная с 1925 г. Снизилась урожайность и других культур. В основных сельскохозяйственных районах Сибири кризис земледелия имел более ярко выраженный характер. Общая площадь посева в Западно-Сибирском крае в 1932 г. уменьшилась по сравнению с 1929 г. на 18,4 %, посев зерновых культур – на 24,1 %. В 1931 г. Западная Сибирь пережила сильный недород. Однако и в 1932 г. урожайность зерновых была относительно низкой. В результате хлеба на территории Западно-Сибирского края в 1932 г. собрали меньше, чем в недородном 1929 г.²

Главными факторами кризисных явлений в сельском хозяйстве были сверхнормативное отчуждение продукции, отсутствие у колхозников стимулов к труду, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и совхозах. Падение зернового производства стало следствием не только низкой производительности труда колхозников и рабочих совхозов, но и полного забвения агротехнических основ земледелия. Севообороты не внедрялись, правильное чередование культур не соблюдалось. Некоторые хозяйства и даже районы переходили на монокультуру³. Для колхозного полеводства были характерны плохая обработка почвы, несвоевременный посев, низкое качество семян, засорение полей, сокращение парового клина, отсутствие удобрений. Положение дел в совхозах, которые были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше, чем в колхозах. Плодородие почвы в итоге падало, урожайность снижалась, планы хлебозаготовок не выполнялись.

Преодолеть аграрный кризис, возникший в начале 1930-х гг., планировалось посредством так называемого организационно-хозяйственного укрепления колхозов, а также повышения культуры земледелия и животноводства. 29 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по повышению урожайности»⁴, в котором ставилась задача перейти от «роста хозяйства вширь <...> к борьбе за повышение урожайности как главной и центральной задаче в области сельского хозяйства на данной стадии развития». Наркомзему СССР предлагалось, в частности, в течение 1933 г. ввести во всех колхозах

и совхозах севообороты «как одно из лучших средств повышения урожайности».

После принятия вышеназванного постановления началась хозяйственно-политическая кампания по реализации его основных положений. В конце октября 1932 г. вопрос о севооборотах и агротехнике рассмотрел очередной пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). По итогам обсуждения пленум принял постановление⁵, в котором «в основном» одобрил разработанные крайземуправлением схемы севооборотов, указав на то, что их введение «должно сочетаться с осуществлением всего комплекса агротехнических мероприятий (парование, зяблевая вспашка, своевременный посев, междурядная обработка, борьба с вредителями, внедрение сортовых семян, протравливание семян, удобрение полей, снегозадержание и т.д.)». Касаясь роли научно-исследовательских учреждений в «борьбе за повышение урожайности», пленум особо отметил разработки Омской зерновой зональной опытной станции, обязав «районные организации максимально использовать» ее «опыт и практические достижения».

Исполняя поручение крайкома ВКП(б), ведущие специалисты Омской зональной станции и других сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений края активизировали работу по популяризации своих разработок. В выступлениях на совещаниях, в статьях в журналах, книгах и брошюрах они, опираясь на результаты проведенных опытов и наблюдений, рекомендовали для основных сельскохозяйственных районов края агротехнические приемы, внедрение которых должно было способствовать повышению урожайности и снижению издержек, в том числе мелкую пахоту и средние сроки сева зерновых культур.

Средние сроки сева обосновывались тем, что при более раннем посеве этап вегетации хлебов, когда растения в большей степени нуждались во влаге, приходился, как правило, на более засушливый период. В итоге урожайность зерновых снижалась. Согласно полученным на опытных полях Омской станции данным более глубокая вспашка не приводила к повышению урожайности. В то же время ее применение требовало привлечения большего объема материально-технических и трудовых ресурсов. Следовательно, мелкая вспашка была более экономичной.

Экономией ресурсов обосновывались также необходимость перерыва между посевными работами и первым взметом пара и отказ от так называемого черного пара в пользу раннелетнего. После интенсивных полевых работ людям и технике предлагалось дать «передышку», а затем приступить к обработке паров. Отказ от черного пара объяснялся тем, что его основная вспашка совпадала по срокам с периодом максимальной нагрузки сельхозтехники на работах по уборке и перевозке урожая, зяблевой вспашке. Более того, некоторые специалисты считали чистые пары «излишней роскошью». По их мнению, пребывание паш-

¹ Сельское хозяйство СССР: ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 511, 238.

² Там же. С. 246–247, 270.

³ Так, в Маслянинском районе Западно-Сибирского края, который должен был специализироваться на льноводстве, под лен отвели до 60 % посевной площади. В связи с монокультуризацией ухудшилось качество обработки данной культуры, «почвы сильно засорились, урожайность падала» (Социалистическое земледелие (Новосибирск). 1933. № 4. С. 16).

⁴ СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 434.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 292. Л. 73–84.

ни в течение целого года не занятой ведет к снижению общего валового сбора продукции растениеводства, поэтому чистые пары необходимо заменить посевами пропашных культур и трав.

Позиция специалистов Омской зональной станции по вопросам о сроках сева и глубине вспашки была в целом поддержана партийным и советским руководством края. Убедленным сторонником такого подхода являлся директор Западно-Сибирского треста зерновых совхозов Л.С. Марголин. Выступая в конце октября 1932 г. на пленуме крайкома ВКП(б), он назвал основной причиной низкой урожайности колхозных и совхозных полей сильную засоренность. Одним из действенных средств борьбы с сорняками могла стать, по его мнению, двукратная предпосевная культивация. В связи с этим оптимальными для Западной Сибири являются средние сроки сева, которые дают время для предпосевной обработки. Марголин также оспаривал представление о том, что более глубокая вспашка является средством борьбы с сорняками. «При глубокой вспашке мы загоняем все сорняки внутрь и таким образом они снова произрастают, ибо сорняки сохраняют способность произрастать в течение нескольких лет. Таким образом, сорняки после нескольких лет опять выходят наружу, и у нас получаются поля сплошь засоренные. Правда, для первого года глубокая пахота дает эффект, но для последующих лет эффект получается отрицательный»⁶. Следует отметить, что предложения омских опытников, касающиеся глубины обработки почвы и сроков сева, не были региональными новациями, а имели многочисленных сторонников среди ученых-агрономов в центральных научно-исследовательских учреждениях страны⁷.

Однако уже весной 1933 г. некоторые установки, до этого имевшие характер агротехнического мейн-стрима, были признаны «вредительскими», а хозяйственно-политическая кампания по внедрению в колхозах и совхозах агротехники трансформировалась в политико-идеологическую кампанию по борьбе с «вредительством».

Первые аккорды кампании по борьбе с «вредительством» на аграрном фронте в масштабах всей страны прозвучали в феврале 1933 г. Нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев в докладе на 3-й сессии ЦИК СССР подверг критике «грубые ошибки», допущенные в ряде регионов при разработке схем севооборотов. Одну из подобных ошибок допустило Западно-Сибирское крайземуправление, которое рекомендовало в льноводческих районах края «отдать льну от 28 до 32 проц[ентов] общей посевной площади». При этом не было учтено, что эта относительно трудозатратная культура становилась одной из основных в труднедостаточных районах Западной Сибири⁸. В принятом

по докладу Я.А. Яковлева постановлении ЦИК СССР, помимо указания на необходимость исправления ошибок при разработке севооборотов, содержался призыв дать «отпор вредной теории преимущества мелкой вспашки»⁹.

Выступая 16 февраля 1933 г. на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович высказался за ранние сроки сева и глубокую пахоту: «При подготовке к весне каждый день дорог. “Днем раньше посеешь – неделей раньше пожнешь”. Организация сева у нас и сейчас во многих колхозах еще не обеспечивает того, чтобы как только солнышко согреет, чтобы сразу вспахать, быстро, скорее, по-хорошему, глубокой пахотой. Были у нас всякие неверные теории о мелкой пахоте. Верна все-таки глубокая пахота. “Глубже пахать – больше хлеба жевать”»¹⁰.

В Сибири «сигналы сверху» первоначально фактически проигнорировали. Активная борьба с «вредительскими теориями» в области агротехники началась в регионе лишь после того, как органы ОГПУ раскрыли «контрреволюционный заговор в сельском хозяйстве Западно-Сибирского края». «Членами руководящего бюро заговора» оказались ответственные работники краевого земельного управления М.М. Холостов и И.У. Варакса, заведующий отделом селекции Омской опытной зерновой зональной станции¹¹ профессор В.Р. Берг, агроном А.Ф. Брусницын, руководитель отдела Трактороцентра Е.Г. Мольс. Всего по «делу» арестовали 2197 чел. [1, с. 122], в том числе заведующего отделом земледелия Омской опытной станции Д.Г. Бошкова и сотрудников этого отдела Г.Н. Дроздова, Гладыша и Крутиховского¹².

Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), рассмотрев 30 апреля вопрос «О состоянии научно-исследовательской работы по вопросам сельского хозяйства и об агрономической литературе», констатировало, что в крае получил распространение ряд агротехнических «теорий», «под прикрытием которых контрреволюционные элементы пытались нанести удар делу повышения урожайности». Данные теории «нашли свое отражение в целой серии» книг и брошюр, в инструкции бюро севооборотов крайземуправления. «Особенно засорены вредительскими установками» работы и агротехнические указания Омской опытной зерновой зональной станции. Бюро крайкома призвало «немедленно и решительно разоблачить вредительские теории» и предотвратить их применение на практике¹³.

В мае началось выполнение директив крайкома. На места направили соответствующие инструкции и информационные материалы. Была сформирована и направлена в Омск бригада по проверке Сибирского НИИ зернового хозяйства. К критике «вредительских

⁹ Там же. 8 февр.

¹⁰ Там же. 22 февр.

¹¹ В начале 1933 г. станция была преобразована в Сибирский НИИ зернового хозяйства.

¹² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 41 об.

¹³ Там же. Д. 433. Л. 33–35.

⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 290. Л. 172.

⁷ См.: Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 2. С. 101–110.

⁸ Советская Сибирь. 1933. 6 февр.

теорий» активно подключилась пресса. Серии статей по данной проблеме были опубликованы в краевых газетах и специальных журналах.

Критика «средних сроков сева» сводилась в основном к тому, что в условиях дефицита рабочей и тягловой силы, нехватки посевной техники¹⁴ более позднее начало весенних посевных работ вело к их затягиванию¹⁵. Соответственно сдвигались сроки созревания зерновых культур, начала и завершения уборки, что негативно сказывалось на урожайности. В связи с этим «теория средних сроков сева» квалифицировалась как закамуфлированная установка на поздние сроки сева и тем самым противоречила требованиям партии и правительства о форсировании полевых работ. На затягивание сельхозработ, по мнению критиков, также были направлены предложения о более поздних сроках проведения предпосевной культивации зяби и о перерыве между посевными работами и взметом паров¹⁶.

Поля «социалистических» сельхозпредприятий были сильно засорены. Ведущие специалисты Омской зональной станции обвинялись в том, что в этих условиях они не только не разрабатывали агротехнику борьбы с сорняками¹⁷, но, напротив, пропагандировали приемы, способствующие еще большему засорению пашни. Так, при мелкой обработке почвы, по мнению ее противников, оставались невыпаханными корни многих сорняков. При этом утверждалось: данные о том, что глубина вспашки «не влияет» или «слабо влияет» на уровень урожайности зерновых, были получены на хорошо обработанных и фактически свободных от сорняков участках опытных учреждений. Вина за выбор омских опытников возлагалась также на возглавляемый Н.М. Тулайковым Всесоюзный (Саратовский) институт зернового хозяйства, который осуществлял научно-методическое руководство Омской станцией. Более того, омичи вслед за своими саратовскими коллегами начали работать над проблемой замены плужной вспашки бесплужной, «что по существу является доведением до логического конца “теории” мелкой пахоты»¹⁸.

¹⁴ Не менее важным фактором затягивания сроков сельхозработ была низкая трудовая дисциплина колхозников и рабочих совхозов.

¹⁵ Заместитель председателя крайисполкома И.Г. Зайцев в качестве примера чрезмерного затягивания посевных работ в 1932 г. привел данные по Тюменцевскому району. В колхозах, обслуживаемых МТС, сев вели 39 дней вместо 10–15 запланированных, в остальных колхозах – 46 дней вместо 25, в совхозах посевные работы продолжались 40 дней. «Таких примеров можно привести буквально десятки» (Социалистическое земледелие. 1932. № 10. С. 9).

¹⁶ Социалистическое земледелие. 1933. № 2–3. С. 73–77; № 11–12. С. 73–75.

¹⁷ В докладной записке бригады крайкома ВКП(б) по результатам обследования Сибирского института зернового хозяйства в вину его руководству вменялось то, что разработка проблемы борьбы с сорняками в институте, «по существу, свелась к постановке опытов по линии разработки химических методов борьбы» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 43 об.).

¹⁸ Там же. Л. 115.

«Вредительским» квалифицировался и отказ от черного пара. Разоблачители подобной позиции называли его «лучшим средством борьбы с сорняками», полагая, что замена черного пара раннелетним также будет способствовать дальнейшему засорению пашни. Кроме того, урожайность зерновых культур в севооборотах с чистыми парами становится более стабильной, а растения меньше подвергаются негативному влиянию неблагоприятных климатических условий, болезней и вредителей. В то же время «при современном положении с засоренностью» пропашные культуры и травы не способны противостоять сорнякам. Но главным недостатком предложения о замене чистых паров занятыми считалось то, что в оптимальном севообороте с занятыми парами нужно засеивать пропашными культурами не менее 40–45 % пашни. Внедрение подобных севооборотов вызовет существенное сокращение посевов зерновых культур, а также, «по крайней мере в первые годы, при недостатке минеральных удобрений и ограниченном применении навозного удобрения, неминуемо приведет к снижению урожайности», что, во-первых, вызовет срыв «усилий партии и правительства» по разрешению зерновой проблемы, а во-вторых, «загормозит» решение животноводческой проблемы, «ибо без зерна, без прочной базы концентрированных кормов эта проблема не может быть решена»¹⁹.

Критике также были подвергнуты предложения о минимизации полей севооборота. Некоторые специалисты полагали, что уровень плодородия западносибирских черноземов позволяет после чистого пара два года подряд высевать яровую пшеницу. Специализированный пшеничный севооборот в регионе соответственно мог ограничиваться тремя полями: 1) пар чистый ранний; 2) пшеница яровая; 3) пшеница яровая. Такой подход определялся оппонентами как «вредительская установка на ультраспециализацию зернового хозяйства, ориентация на монокультуру». Ультраспециализированными и излишне трудозатратными квалифицировались рекомендованные крайземуправлением схемы севооборота для льноводческо-зернового колхоза. В семипольном полевом севообороте под лен отводилось более чем одно поле²⁰, а треть прифермерского севооборота должна была занимать конопля²¹.

Партийные организации и земельные органы также обязывались бороться с «кулацкой вредительской теорией неприменности навоза на сибирских землях», предложениями отказаться от зяблевой вспашки и снизить нормы высева семян, игнорированием их яровизации (см. об этом ниже). «Вредительство» было обнаружено не только в агротехнике, но и в зоотехнике и организации животноводства²². К «вредительским» отнесли теории о врожденной

¹⁹ Социалистическое земледелие. 1933. № 11–12. С. 68–72.

²⁰ В данном севообороте 6-е поле занималось льном, 7-е – льном и «прочими зерновыми».

²¹ Советская Сибирь. 1933. 23 марта.

²² См.: Там же. 28 апр., 17 окт. 24 окт.; Социалистическое земледелие. 1933. № 8–9. С. 2, 70–75.

нежизнеспособности молодняка, непродуктивности сибирских пастбищ, установку на «ультраспециализацию» животноводческих хозяйств, «упрощенные методы содержания скота в зимний период (при температуре ниже нуля)», «голодные нормы выпойки телят», замену воды снегом при пойки овец, безмолочную выпойку поросят, «дискредитацию английской белой свиньи как непородной и не пригодной к сибирским условиям», отказ от метизации местной породы молочного скота («сибирки»).

Не обошлось и без агротехнических новаций, которые должны были прийти на смену отвергнутым «вредительским установкам». Одним из таких приемов являлся сверххранний сев, в соответствии с которым посев части зерновых должен был вестись вскоре после схода снега, фактически в грязь. Отсюда первоначальное ее название – «сверххранний сев в грязь». По мнению сторонников данного метода, он позволял максимально использовать весеннюю влагу, получить более ранние всходы, а также обеспечивал большую устойчивость растений к засухе и вредителям. Соответственно более ранними были созревание и уборка зерна. Принципиально важным являлось то, что сверххранний сев позволял увеличить время посевной и уборочной кампаний и снизить их трудонапряженность. Проводить подобным образом посев можно было только на хорошо прогреваемых и быстро высыхающих участках (южные склоны, ровные возвышенные плато), в легкие супесчаные почвы семена следовало заделывать в течение короткого времени после начала просыхания почвы. В силу непроходимости данных участков для техники сев осуществлялся только вручную. Апробирование метода было проведено в 1932 г. С 1933 г. началось его массовое внедрение. В этом же году в Западно-Сибирском крае сверххранний сев зерновых провели на 113,6 тыс. га, в 1934 г. – на 194,5 тыс. га. К ожидаемым позитивным результатам сверххранний сев не привел. Агротехника не соблюдалась. Сев велся и в глинистые, тяжелые, долго просыхающие почвы. Заделка семян затягивалась. Семена (особенно в Сибири) часто вымерзали, вымокали или выветривались. После их гибели осуществлялся пересев, что вело к перерасходу семенного материала²³.

В регионе также активно насаждалась яровизация зерновых²⁴, которая представляла собой агротехнический прием контролируемого охлаждения семян злаковых культур перед весенним посевом, позволяющий сократить сроки вегетации растений и в отдельных случаях обеспечить их вызревание в более холодном климате. Массовое внедрение данного приема проводилось по инициативе и под руководством Т.Д. Лысенко. Недостатки метода заключались в повыше-

ной трудоемкости полевых работ, неопределенности эффекта от массовой яровизации и возможности повреждения наклюнувшихся семян при их несвоевременном посеве.

Борьба с «вредительством» в сфере агротехники не ограничивалась критикой. Были сделаны организационные выводы. 25 июля бюро Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) заслушало доклад бригады крайкома об обследовании Сибирского НИИ зернового хозяйства²⁵. В принятом постановлении²⁶ отмечалось, что бывшие «научные руководители» института В.Р. Берг, Д.Г. Бошков и Г.Н. Дроздов, «прикрываясь “объективизмом” науки, создавали вредительские “теории” <...>, направленные на срыв основной задачи, стоящей перед социалистическим земледельцем, – поднятия урожайности». Их «вредительская деятельность» стала возможна потому, что коммунисты, занимавшие в институте ответственные посты, не только «не поняли новой тактики классового врага» и оказались неспособными «раскрыть его вредительскую работу», но сами «часто использовались вредителями как проводники их вредительской идеи».

Бюро крайкома решило снять с работы директора НИИ зернового хозяйства С.Г. Алексеева, заведующего отделом механизации Бабилова, заведующего отделом организации хозяйства Д.А. Камбулова. Строгий выговор был объявлен заведующему отделом полеводства В.Н. Позднякову и ведущему научному сотруднику этого отдела Н.Ф. Максимову. Крайземуправлению и Омскому горкому компартии поручалось «на основании материалов бригады пересмотреть личный состав научных работников» института. От должности также был отстранен директор Западно-Сибирского института социалистической реконструкции сельского хозяйства Ф.А. Хоробрых²⁷.

Научный сотрудник Западно-Сибирского института социалистической реконструкции сельского хозяйства М.Н. Торгушников в статье, опубликованной в № 12 журнала «Социалистическое земледелие»²⁸, заявил, что в ходе проходящей в крае кампании борьбы с «вредительством» в сфере сельскохозяйственной теории выявлен «уже целый ворох вредных и вредительских теорий»²⁹, <...> посредством которых контрреволюционные элементы «тихой сапой» намеревались сорвать проводимые партией и правительством мероприятия по социалистической реконструкции

²⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 39–54 об.; Материалы обследования были опубликованы в «Советской Сибири» (1933. 8, 12, 13 сент.).

²⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 114–117.

²⁷ Ф.А. Хоробрых был также снят с поста председателя оргбюро Западно-Сибирского филиала общества аграрников-марксистов (Советская Сибирь. 1933. 6 мая).

²⁸ Социалистическое земледелие. 1933. № 11–12. С. 80.

²⁹ В работах М.Н. Торгушникова были выявлены «грубейшие извращения и ошибки», заключающиеся в установках на чрезмерную специализацию льноводческих районов и «ультраспециализацию» животноводческих хозяйств (Советская Сибирь. 1933. 6 мая; Коммунист (Новосибирск). 1933. № 4. С. 75).

²³ Советская Сибирь. 1932. 3 июня; 1933. 22 февр., 6 апр.; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. Новосибирск, 1935. Ч. 1: Полеводство. С. 49.

²⁴ Советская Сибирь. 1932. 26 нояб., 28 нояб.; 1933. 18 мая; Социалистическое земледелие. 1933. № 10. С. 2.

сельского хозяйства. <...> Но было бы ошибочным считать, что вредные теории в области сельского хозяйства уже выявлены целиком. Их еще очень много осталось не выявлено, и они, несомненно, будут возникать еще вновь».

Несмотря на готовность многих коммунистов продолжать активную борьбу с «вредительскими» теориями и установками в агротехнике, зоотехнике и организации сельхозпроизводства, в начале 1934 г. политико-идеологическая кампания в данной сфере была фактически свернута.

Проведенная в конце 1932 – 1933 г. кампания по поиску оптимальных приемов агротехники и борьбе с «вредительскими установками» в данной области не привела к качественным изменениям в земледелии. Уровень агротехники оставался неудовлетворительным. Глубокая тракторная вспашка под зерновые культуры негативно сказывалась на плодородии

почвы. Внедрение севооборотов в колхозах превратилось в ежегодные, затратные, но практически бесполезные кампании. К снижению сборов зерна приводило массовое внедрение не проверенных на практике агротехнических «новаций», которые либо были неэффективны в сибирских условиях, либо изначально имели антинаучный характер. Урожаи хлебов оставались неустойчивыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.

REFERENCES

1. Papkov S.A. Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia. M., 2012. 440 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 20.03.2017*